

ДВЕ НОВЫЕ КНИГИ ПО ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ИТАЛИИ IV—VI вв. н. э.

В научной литературе традиционным является представление о глубоком экономическом упадке, охватившем если не все провинции Римской империи, то во всяком случае старые центры рабовладельческой эксплуатации (в том числе Италию) и достигающем максимальной силы к IV в. Против этого традиционного взгляда сравнительно недавно выступил итальянский историк Ф. де Робертис, по мнению которого, Италия с IV в. вступает в полосу экономического подъема¹.

Обе рецензируемые работы — одна из них принадлежит датчанину Кнуду Ханнестаду², другая — итальянке Леллии Руджини³ — отталкиваются от трудов де Робертиса; подвергнув критике его выводы и исследовательские методы (см. Ханнестада, стр. 5; Руджини, стр. 22, прим. 26), оба автора ограничивают полученные им результаты во времени и в пространстве, хотя (оговоряя это с самого начала) они уже не возвращаются к старой точке зрения.

Работа Ханнестада критическая по самому своему построению. Ему свойственен скорее негативный, нежели позитивный анализ источников. Его цель (во всяком случае, в первой половине книги) — показать, что привлеченные де Робертисом данные недостаточны для аргументации тезиса о подъеме италийского сельского хозяйства в IV в. Он оспаривает, в частности, возможность привлечения «*Expositio totius mundi*» для характеристики экономических отношений в западных провинциях в середине IV в.: автор «*Expositio*», по мнению Ханнестада (стр. 12), плохо знал Запад, а его сочинение было переведено на латынь с греческого только в V в. или еще позднее.

¹ F. M. De Robertis, *La produzione agricola in Italia dalla crisi del III secolo all'età carolingia*, «Annali della Fac. di Econ. e Commercio dell'Univers. di Bari», 8, 1948; он же, *La crisi del III secolo e l'avvio alla ripresa agricola in Italia*, «Studi di storia medievale e moderna in onore E. Rota», Roma, 1958.

² K. Hannestad, *L'évolution de ressources agricoles de l'Italie du 4-ème au 6-ème siècle de notre ère*, København, 1962, 117 стр.; ср. он же, *The Italian Agriculture during the Ostrogothic Period*, «Actes du XIIe Congrès International d'Études Byzantines», II, Beograd, 1964, стр. 155—158.

³ L. Ruggini, *Economia e società nell'Italia Annonaria. Rapporti fra agricoltura e commercio dal IV al VI secolo d. C.*, Milano, 1964, 716 стр.

Источники конца IV в. упоминают *agri deserti* (в Кампании насчитывалось до полумиллиона югеров запущенных полей) и беглых рабов. Снабжение Рима (да и не только Рима) хлебом осуществлялось за счет африканских поставок: неурожай или мятеж в Африке приводил к голоду в Риме и Кампании. Аграрные затруднения давали себя знать в Италии по крайней мере до 20-х или 30-х годов V в.

Совершенно иным становится положение под властью готов — в первой половине VI в. В это время Италия не только обеспечивала себя сельскохозяйственной продукцией, но и, по-видимому, вывозила какую-то часть урожая (стр. 34 и сл., стр. 42). Ханнестада ставит вопрос о причинах этих перемен. Можно было бы подумать, что прогресс связан с совершенствованием техники, но в действительности это не так: применение колесного плуга, распространившегося в Северной Италии около 400 г., оставалось sporadическим; новый тип упряжи еще не проник в Италию и здесь продолжали пахать на волах; нет оснований говорить о распространении водяных мельниц — да оно и не могло бы сказаться, по мнению Ханнестада, на увеличении урожайности (стр. 53 и сл.).

Демографический фактор (уменьшение населения) мог бы привести к тому, что Италия смогла бы удовлетворить свою (уменьшившуюся) потребность в хлебе, — но Ханнестада показывает, сколь недостаточны имеющиеся в нашем распоряжении цифры для утверждения, будто в конце V—VI в. население страны уменьшилось; он даже допускает, что оно возросло (стр. 68 и сл.). Нет также данных об упадке городов — скорее, наоборот, кажется, что города в VI в. играли большую роль, нежели прежде (стр. 88 и сл.).

Где же в таком случае следует искать разгадку подъема сельского хозяйства Италии? Ханнестада считает, что объяснением может служить политический фактор: завоевание Африки вандалами и прекращение африканских поставок хлеба стимулировали развитие сельского хозяйства Италии и позволили этой стране в VI в. достигнуть аграрной автаркии (стр. 106 и сл.).

Книга Руджини значительно отличается от работы Ханнестада и своими выводами, и своими методами. У Ханнестада на первом месте критический анализ историографии, выявление противоречий между скудным материалом источников и далеко идущими логическими заключениями. Для Руджини самое главное — накопление фактов, исследование терминологии, статистическая обработка не-

многочисленного цифрового материала. Книга Ханнестада пронизана одной идеей, развиваемой от первой до последней страницы, — объемистая монография Руджини распадается на ряд самостоятельных очерков, отступлений и приложений. Главная мысль книги — сохранение в Северной Италии тесной связи сельского хозяйства с рынком вплоть до лангобардского завоевания — подчас заслоняется частными исследованиями, посвященными то характеру соевтрю под властью готов, то динамике цен на хлеб, свинью и вино, то структуре церковного землевладения.

Руджини значительно расходится с Ханнестадом в оценке аграрного развития в IV в. По ее мнению, ряд районов Транспаданской Галлии (область к востоку от Тичино), Венеция и Истрия не пережили в IV в. аграрного кризиса. Вообще упадок затронул лишь виноградарство, но отнюдь не хлебопашество (стр. 35). В доказательство этого тезиса Руджини приводит, помимо спорадических свидетельств нарративных источников, статистические материалы — диаграммы цен. По полученным ею данным, хлебные цены с начала IV в. до VII в. оставались на одном уровне, не подвергаясь существенным колебаниям (Руджини подсчитывает отдельно цены в голодные годы и в периоды дешевизны) (стр. 382 и сл.); напротив, цены на свиное мясо и вино поднимаются во второй половине IV в. и резко падают в V столетии (стр. 393 и сл., 397 и сл.).

Но если хлебные цены на протяжении IV в. оставались стабильными, можем ли мы говорить о прогрессирующем упадке хлебопашества, как это делает Ханнестада?

Далее вразрез с Ханнестадом Руджини констатирует, что хлебные торговцы из Северной Италии постоянно приезжали в Рим (стр. 147); они не только снабжали Рим в порядке выполнения государственных повинностей, но и продавали здесь хлеб частным образом. Значит, определенные области Италии и в IV в. производили большое количество хлеба.

Таким образом, работа Руджини заставляет внести известные коррективы в прямолинейные суждения Ханнестада об экономическом упадке Италии IV в.

Гораздо ближе к Ханнестаду Руджини в оценке судеб италийского города. Она настойчиво подчеркивает, что городская жизнь не исчезла в IV в., и если мелкие центры теряют прежнее значение, то большие города (Милан, Турин, Верона) сохраняют, по ее выражению, «интенсивный урбанизм» (стр. 82). Основанная на рынке экономика сохранялась в главных центрах Северной Италии (стр. 93). Итальянский *possessor* IV в. не походил на ту фигуру полупфеодального *dominus*, которую изобразил (для других областей) Порростовцев (стр. 84 и сл.). И в VI в. *possessores* были вместе с тем *mercatores* — про-

тиво оставляя эти два термина нет никаких оснований (стр. 222 и сл.); торговые интересы были значительными до самого конца VI в. (стр. 461)⁴.

Вопросы социальной структуры итальянского общества IV—VI вв. затронуты в обеих книгах крайне бегло, хотя, замечу попутно, они могли оказывать на экономическое развитие не меньшее влияние, нежели демографический фактор. По мнению Ханнестада, структура земельной собственности не изменилась (стр. 9), крупная собственность продолжала играть ведущую роль на протяжении всего IV столетия (стр. 29). Руджини (стр. 23 и сл.) придерживается той же точки зрения, хотя и останавливается более подробно на свидетельствах Амвросия, Эпифания и Иеронима (отнесение его слов к Италии, впрочем, спорно) о мелком землевладении (стр. 24, прим. 30). Особенно интересно использование археологических данных и, в частности, материалов из некрополя IV в. в *Verdesiacum* (близ Тичино) для характеристики сельского населения «среднего достатка» (стр. 31), т. е. мелких землевладельцев.

Но этих скудных данных недостаточно для воссоздания динамики земельной собственности на протяжении IV в. Мы знаем, что мелкое землевладение существовало в Италии, — и ничего более. Амвросий порицал *possessores* за жадность (стр. 25 и сл.), но их порицали уже не первое столетие, а мелкое землевладение все-таки существовало.

Любопытно наблюдение Руджини о том, что экономический спад в IV в. затронул винодельческие и скотоводческие поместья, но не хлебопашество. Не связано ли это в какой-то мере с различием социальной структуры в разных типах хозяйства?

И, наконец, вторжение готов не могло не привести к упрочению мелкого независимого хозяйства. Ни Ханнестада, ни Руджини не ставят, однако ж, вопроса о социальной структуре итало-готского общества VI в. (хотя Руджини и рассматривает организацию церковных вотчин этого времени), тогда как, может быть, именно в этом следовало бы искать причину относительного экономического подъема (или стабилизации?) в конце V — первой половине VI в.

А. П. Каждан

⁴ К сожалению, и Ханнестаду, и Руджини осталась неизвестной работа З. В. Удальцовой «Италия и Византия в VI в.» (М., 1959), где специальная глава посвящена городам остготской Италии, и они не рассмотрели взглядов советской исследовательницы, писавшей об «общей натурализации хозяйственной жизни страны в VI в., об экономическом упадке городов» и «постепенном перемещении ремесла из города в деревню» (стр. 120).